

Борьба кириллицы и латиницы на Северном Кавказе

Abstract. Sharing a common origin from the Greek alphabet, Roman and Cyrillic show many formal similarities. However, in the history of Cyrillic and Latin writing different phases of development can be traced, in which we can speak of concurrence, coexistence or even struggle between the two related systems. The paper focuses on the relationship between Latin and (Russian) Cyrillic as it was realised with respect to the North Caucasus area.

Key words: Latin alphabet, Russian Cyrillic alphabet, Caucasus.

«Так, выдающийся французский языковед Вандриес, указавший на существенное различие между алфавитами греческого и латинского происхождения, писал: “Первые были составлены с редкой точностью... Готский алфавит Вульфила – прекрасное орудие, достаточно точное. Славянский алфавит Кирилла и Мефодия – настоящий шедевр. Как далеко от них алфавиты англосаксов и ирландцев! Эти последние приложили много усилий в течение долгих столетий к тому, чтобы приспособить латинский алфавит к своему языку; в полной мере это им не удалось”» ([Vendryes 1921: 385], русский перевод [1937: 296], цит. по [Дешериев 1959: 15]).

Введение.

Общеизвестно, что и латиница, и кириллица восходят к греческому алфавиту (см. таблицу в [Поливанов 1991: 333]), таким образом являясь, несмотря на совершенно различные культурные, исторические и временно-пространственные условия их возникновения, своего рода «братьями-близнецами», формально очень близкими друг другу: «Roman and Cyrillic are structurally identical alphabets that are easily transliterated into each other. The motivation for substituting one for the other is primarily ideological rather than practical» [Coulmas 2013: 115]. Однако уже в далекие библейские времена братские отношения, как наглядно показывает трагический пример Каина и Авеля, не были самыми дружескими; ниже увидим, что и между этими двумя алфавитами, связанными общностью происхождения, возникали и продолжают возникать напряженные соревновательные отношения. Для славян кириллица всегда обладала национальными признаками своего, родного алфавита, тогда как долгий процесс приспособления латиницы к звуковой системе славянских языков придавал ей характер элемента чужеродного. За пределами славянского мира «кириллица легла в основу систем письменности многих других народов, способствуя развитию их национальных культур и формированию национальной интеллигенции» [Разлогов 2011: 8]. В настоящей статье ставится цель в сжатой и вынужденно фрагментарной форме очертить некоторые моменты более или менее ожесточенной борьбы между кириллицей и латиницей на территории Северного Кавказа.

Как подчеркивал Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938), изобретение гражданского шрифта Петром Первым привело к тому, что «светская» кириллица, в отличие от ее церковного варианта, стала более восприимчивой, существенно расширив спектр своих графических возможностей:

«Наконец, благодаря самой истории русского гражданского шрифта, возникшего путем приспособления церковной кириллицы (представляющей из себя стилизованное видоизменение греческого алфавита) к начертаниям латиницы, к русскому алфавиту можно по мере надобности присоединять отдельные греческие и латинские буквы, почти не нарушая общего графического стиля. Таким образом, по своей гибкости и приспособляемости к звуковой системе разнообразнейших языков русский алфавит занимает совершенно исключительное положение» [Трубецкой 1995: 202–203].

Трубецкой весьма критически отзывался о реформах Петра Первого, которого из-за западной ориентации его светской программы, проведенной в быстром и жестоком темпе, обвинял в искажении русского духа и православия. Несмотря на явные недостатки при обозначении палатализованных согласных¹, – продолжает ученый, – «благодаря долгому применению гражданская кириллица плотно пригнала к русскому языку и вошла в систему языкового сознания грамотных русских» [Трубецкой 1995: 201].

Его оставшийся в России друг и соратник по фонологическим исследованиям, Николай Феофанович Яковлев (1892–1974), один из самых активных советских деятелей в области создания литературных языков и письменностей, открыто выступал против сохранения т. н. «русского алфавита», представлявшего собой в глазах ученого «безусловный анахронизм, – род графического барьера, разобщающего наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада» [Яковлев 1930: 35]. Яковлев оценивал петровскую реформу как неполную латинизацию кириллического шрифта, последствия чего и, прежде всего, графическое сходство букв, обозначающих в двух алфавитах разные звуки, существенно осложняли изучение русского языка для иностранцев:

«Несомненно переход на гражданский алфавит при Петре I был связан с западной ориентацией русского торгового капитала и тем периодом разложения феодализма, который переживало русское общество в ту эпоху. Однако, латинизация кириллицы в то время была проведена неполная. Она коснулась, главным образом, графической стороны кирилловского, в основе своей греческого алфавита, и не затронула фонетическую сторону его. Поэтому при всем внешнем графическом сходстве русского гражданского шрифта с латинским, целый ряд совершенно совпадающих в обоих шрифтах букв имеет в русском совершенно иные звуковые значения (например: “р”, “н”, “с”, “в”, рукописное “ч”, “х” “п” и т. д.). Несомненно такая «латинизация» скорее затрудняет изучение русского алфавита для иностранцев, чем облегчает его» [Яковлев 1930: 27].

Таким образом, мнения языковедов, даже близких по духу, сильно расходились, что доказывает правильность утверждения о том, что в вопросе выбора

---

¹ Любопытно, что почти одновременно Роман Осипович Якобсон (1896–1982), разделявший с Трубецким трудную судьбу эмиграции, – они вместе «развивали и пропагандировали достижения отечественного языкознания в Европе и Америке» [Журавлев, Журавлев 2004: 96] – критиковал латинизацию белорусского языка за неспособность обозначать когерентно именно палатализованные согласные: «Разбор попыток латинизации белорусского языка может послужить ясной иллюстрацией неэкономности латиницы для языка с самостоятельной мягкостью согласных» [Jakobson 1931/1971: 193].

алфавита играют роль не только и не столько лингвистические аргументы, но, скорее, идеологические, политические, религиозные или иные подобного рода соображения: «Реально лингвистические аргументы в пользу того или иного алфавита всегда были дополнительными и использовались (не всегда осознанно) для маскировки реальных интересов, лежавших вне лингвистики» [Алпатов 2000: 62].

Языки, представленные на территории между Черным и Каспийским морем, всегда удивляли посторонних наблюдателей своим разнообразием. На Северном Кавказе не только проживало большое количество различных, не понимавших друг друга народов, но и алфавитный ландшафт был чрезвычайно пестрым, так что Кавказ считался не только многоязычным, но и многобуквенным:

«В отношении писмен Кавказ представляет поразительное явление: на небольшой территории, занимаемой краем, сошлись лицом к лицу самые разнородные, самые разнохарактерные письмена, как то: русские, грузинские (церковные и гражданские), армянские, арабские, примененные к языкам персидскому, татарскому и многим горским наречиям» [Загурский 1871: 1].

Алфавит, как правило, был тесно связан с конфессией пользовавшегося им народа. Религия определяла выбор шрифта и, соответственно, культурной ориентации. Следовательно, распространение русской культуры и православной веры среди кавказских горцев было связано с созданием письменности для каждой народности. Тем не менее, завоевание кавказской территории царской (а затем Красной) армией не всегда сопровождалось навязыванием горцам кириллического алфавита.

1. Первая встреча.

Латинским алфавитом передавались отдельные слова и выражения или целые списки слов в работах путешественников-этнографов и первых лингвистических описаниях бесписьменных кавказских языков¹. Главным недостатком таких попыток являлся транскрипционный разнобой в передаче одних и тех же звуков; при этом авторы записок обычно исходили из произношения латинского знака согласно тем правилам чтения, к которым они привыкли в своем родном языке. Такой графический беспорядок² существенно затруднял фонетическую интерпретацию представленного материала:

«Но все эти материалы³ были записаны немецкими буквами, то есть очень неточно, и, хотя они дали науке некоторое понятие о свойствах кавказских наречий, все-

---

¹ Согласно советской интерпретации исторических событий, в дореволюционное время изучение национальных языков проводилось либо в практических интересах православия и колонизаторства, либо в плане сравнительного изучения языков мира, но «не на благо их собственного развития» [Боровков 1936: 105].

² И позднее, в советское время, часто указывали на орфографический беспорядок европейских систем, см., например, мнение о «безобразном хаосе традиционной английской орфографии» [Жирков 1931: 55].

³ Дирр ссылается здесь на работы И. Г. Гмелина (1709–1755), И. А. Гюльденштедта (1745–1781), П. С. Палласа (1741–1811) и М. Г. Клапрота (1743–1817).

таки были слишком сомнительного достоинства и не особенно обогатили наши лингвистические знания» [Дирр 1904: 371].

Таким образом, на Северном Кавказе в области научных исследований кириллица встретила конкуренцию латиницы, а в качестве носительницы православного христианства – сильное сопротивление мусульманской религии, выразившееся в использовании арабского шрифта. Для разрешения этой проблемы в свою пользу сторонники введения кириллицы обратились за помощью к грузинской системе письма, используя при необходимости и другие алфавиты (греческий, латинский, готский и т. д.). В первой грамматике осетинского языка, составленной академиком Андреем Михайловичем Шегреном (1794–1855), которой было суждено послужить своего рода руководством для дальнейшего развития кириллицы на Северном Кавказе, подробно излагается такая стратегия. Позицию академика Шегрена развивал военный инженер, генерал-майор царской армии Пётр Карлович Услар (1816–1875), который во время службы на Кавказе успешно занимался изучением нескольких северокавказских языков, составлением грамматик, введением школьного обучения на родном языке и развитием просвещения [Бекоева 2000: 60–75; Габуниа 2011: 33–100]. Опираясь на выводы своего предшественника, Услар неоднократно подчеркивал совершенство грузинской азбуки, чья система «может быть принята за основание для общей азбуки всех кавказских языков, чуждых до сих пор грамотности» [Услар 1862/1887: 49]. В статье, посвященной составлению азбук кавказских языков, Услар указывал на существующее в грузинском алфавите однозначное соответствие между графическим знаком и представляемым звуком:

«Если смотреть на грузинский алфавит в отношении к самому грузинскому языку, то нельзя не сознаться, что он удовлетворяет всем условиям: едва ли это не есть совершеннейший из всех существующих алфавитов. Каждый звук выражается особым знаком, и каждый знак постоянно выражает один и тот же звук. Во всех европейских языках есть камень преткновения – это орфография; // для грузин, благодаря совершенству их алфавита, этой трудности почти не существует» [Услар 1861/1887: 48].

Выбор грузинской системы письменно-звукового соответствия касается только начертания. Русская кириллица, считающаяся с этой точки зрения более перспективным средством письменного общения, нуждается в некоторых дополнительных или измененных знаках, для того чтобы избежать употребления диакритических знаков или сложных букв:

«Но если мы позаимствуем у грузин не только систему азбуки, но и начертания букв, то совершенно произвольно создадим затруднения, которые тем будут ощутительнее, чем более русская грамотность распространится по Кавказу [...]. Грузинский алфавит употребляют одни лишь грузины; он резко отличается, как от русского, так и от всех европейских; притом, теперь уже русская грамотность весьма распространена между образованными грузинами и армянами. Большая часть горских народов почти не имеют никаких сношений с грузинами, но находятся в непрерывных сношениях с русскими, живо чувствуют потребность учиться русскому языку и русской грамоте. И так остается применить, с необходимыми добавлениями, начертания русских букв к грузинской азбуке. Добавления необходимы, потому что чрезмерное употребление

знаков (точек или черточек над буквами), равно как совокупление двух букв для выражения одного звука, составляют явное несовершенство» [Услар 1862/1877: 49–50]¹.

Победа кириллицы над арабским шрифтом обосновывается почти исключительно культурными причинами, поскольку цель распространения грамоты на родном языке понятна – быстрое приобщение автохтонного населения к русской культуре и просвещению [Магометова 1981: 75]. Об этом высказывался сам Услар:

«Международным языком должен быть *русский*, международною письменностью – *русская*. В этом никто не усомнится, это должно быть достигнуто, хотя бы и в отдаленном времени. Спорить можно только о средствах, которые следует избрать для достижения. Теперь языки арабский и русский сошлись лицом к лицу. Которому из них суждено владеть Дагестаном? Оба – пришлецы в крае, оба – языки завоевателей» [Услар 1870: 7].

А преимущества кириллицы по сравнению с латиницей состоят в том, что в последней преломляются разнообразные орфографические системы европейских языков, которые могут явиться камнем преткновения; кириллица же, благодаря разумному применению грузинского алфавита, самого подходящего для выражения кавказских звуков [von Erckert 1895/1970: 367], устанавливает однозначное и однозначное соответствие между выражаемым звуком и выражающей его буквой.

Таким образом, на начальном этапе своего распространения кириллица на Северном Кавказе характеризуется отсутствием сложных, двух- или трехбуквенных знаков, тогда как во всех европейских языках латинский шрифт отягчен сложными графическими знаками и/или большим количеством графем с диакритиками.

2. Вторая встреча.

После Октябрьской революции русская кириллица не только была подвергнута давно обсуждавшейся в Академии наук орфографической реформе, но и на какое-то время перестала играть определяющую роль на территории бывшей царской империи вообще и на Северном Кавказе в частности, прежде всего, из-за миссионерского и русификаторского характера ее употребления в прошлом [Martin 1998: 103; ср. также Поливанов 1923: 4; Алиев 1926: 85 и Яковлев 1934: 105]. В разных регионах бывшей Российской империи продолжал применяться соперничающий с кириллицей арабский шрифт. В этот раз на помощь кириллице пришла, как ни странно, именно латиница, которая пропагандировалась

---

¹ Ср. также [Шегрен 1844: xvi–xvii]: «Мне надобно было также избрать алфавит или Русский или Грузинский. Соображая как будущую судьбу самих Осетинов, так и предпочтительную склонность тех из них к Русскому письму, которые знали то и другое, я решился в надежде на вернейший и лучший успех принять за основание Русский алфавит, не смотря на то, что Грузинский, кроме общего внутреннего достоинства, несравненно способнее к выражению звуков Осетинскому языку/ку свойственных [...]».

большевиками как «революция на Востоке»¹, в то время, как кириллица считалась непригодной к распространению на Кавказе из-за «недоброй памяти русского колонизаторства» [Поливанов 1923: 4]. Латинизированный алфавит даже назывался алфавитом Октября, он считался орудием прогресса и необходимым культурно-политическим средством для осуществления мировой революции.

Двадцатые и, по инерции, также тридцатые годы отмечены внедрением латинской графической культуры: все началось с замены для тюркских языков арабской графики латинской²; этот процесс охватил как бесписьменные языки, так и языки, в которых использовалась кириллица. Невиданный размах приобрела программа ликвидации безграмотности, предусматривавшая создание новых алфавитов для бесписьменных языков Советского Союза. В ней для всех тюркских языков последовательно использовался латинский алфавит – т. н. Новый тюркский алфавит, впоследствии переименованный в Новый алфавит. Первоначально выдвигаемый азербайджанцами, которые пользовались письменностью на основе арабской графики, Новый тюркский алфавит постепенно упрочил свое влияние и распространился в Средней Азии, на Кавказе и в Сибири. Арабский шрифт в применении к тюркским языкам Советского Союза, по мнению советских лингвистов, одобрявших латинизацию, не соответствовал фонетическому строю этих языков; он пренебрежительно назывался ими старым мусульманским письмом в противоположность Новому тюркскому алфавиту. С одной стороны, латинский алфавит представлял собой значительный шаг вперед в борьбе за ликвидацию безграмотности и, несомненно, способствовал тому, что письменность из орудия религиозной пропаганды превратилась в средство социального прогресса [Исаев 1982: 74]. Согласно Евгению Дмитриевичу Поливанову (1891–1938), латинизация представляла собой Октябрьскую революцию «по отношению к предшествующему «дооктябрьскому» периоду и направлению в истории возрождения и зарождения национальных графических культур, обусловленных политическим Октябрем 1917 года» [Поливанов 1928: 314]. С другой стороны, односторонний характер такой идеологической кампании, не знавшей исключений [Bruche-Schulz 1984: 55]³, не предполагал вдумчивого рассмотрения каждой отдельной ситуации⁴.

Что касается народов, проживающих на Северном Кавказе, то у них латинизация проходила успешно и, соответственно, выдвигалась на первый план в культурно-просветительской работе, см. например «Резолюцию по докладу о горской графике, принятую 2-ой Краевой Конференцией по вопросам культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского Края» (16–23/VI 1925 г.):

---

¹ Под «Востоком» понимались, прежде всего, тюркские (мусульманские) народы Средней Азии и восточной части страны.

² 1926-го года был создан *Центральный комитет нового тюркского алфавита*, который затем приобрел более нейтральное название *Всесоюзный центральный комитет нового алфавита*.

³ В 30-е годы шла дискуссия о латинизации русского алфавита [Alpatov 2001; Simonato 2005b; Гарипова 2011].

⁴ Наш обзор также носит обобщенный характер, не учитывающий историю каждого отдельного алфавита. О письменности осетинского и абхазского языков см. [Алборов 1929; Бгажба 1967].

«Опыт применения латинской графики показал: а) более быстрое восприятие учащимися, сочувственное отношение к реформе широких масс; б) расширение круга читателей на новой графике (увеличение тиража газет); в) оживление издательской деятельности в связи с быстрым распространением изданий. Основываясь на этом, Конференция выражает пожелание о введении единообразной латинской графики с одинаковым обозначением идентичных звуков для всех горских народностей – по возможности» [Алиев 1929: 222; цит. по «Стенографическому отчету II Краевой Конференции». Изд. КрайОНО, 1926. С. 296].

Следует при этом обратить внимание на тот факт, что до Октябрьской революции латинский шрифт применялся и для якутского алфавита, который был создан первым якутским лингвистом Семеном Андреевичем Новгородовым (1892–1924) на базе международной фонетической транскрипции, разработанной парижским профессором сравнительного языкознания Пасси и несколько видоизмененной Львом Владимировичем Щербой, учителем Новгородова [Коркина, Макаров 1991: 8]¹. Якутский алфавит был официально принят правительством в 1924 г. и действовал с некоторыми изменениями до конца 30-х годов [Коркина, Дмитриев 1977: 8]. Несколько лет спустя появился т. н. абхазский аналитический алфавит, официально введенный в школьный обиход в 1926 году². Его придумал грузинский академик Николай Яковлевич Марр (1864/65–1934) первоначально для научной транскрипции армянского и грузинского языков, позднее Марр распространил сферу его использования на все кавказские языки, которые он называл яфетическими. Для осуществления этой цели он использовал латинский шрифт с добавлением дополнительных начертаний, взятых из греческого, арабского и еврейского алфавитов, а также из кириллицы [Марр 1899: xi–xii; ср. также Миханкова 1949: 97–98]; для обозначения сложных звуков использовались те же основные буквы, снабженные диакритическими знаками, например, точкой и циркумфлексом (по сегодняшней терминологии “карон”) над или под буквами для обозначения аффрикат, тогда как кружок около буквы обозначал лабиализованные фонемы. Аналитическая система передачи звуков, претендующая на звание универсальной транскрипции, не может, однако, считаться фонетической транскрипцией, как критически отмечал в свое время Е. Д. Поливанов:

«[...] яфетидологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе ее и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой [дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим *ponsens*’ом является и распространение понятия «аффрикат» на заднеязычные спиранты и смычные, а с ним и появления знаков вроде *ḳ q̣ ḳ q̣ ğ* – в параллель *ḳ ị ṭ θ̣ ð̣* (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская совершенно отсутствуют)]» [Поливанов 1928/2002: 177)].

---

¹ О тогдашней транскрипции Международного фонетического алфавита см. [Поливанов 1928/2002: 175–185].

² См. «Постановление специальной комиссии в составе наркома по просвещению ССР Абхазии» в [Хашба 1936: 49]; об абхазском аналитическом алфавите см. статьи [Simonato 2005a и Sériot 2013].

Практическое применение абхазского аналитического алфавита в качестве письменной системы для конкретного языка длилось недолго из-за трудности запоминания, а также сложности как ручного, так и типографического воспроизведения знаков [Яковлев 1931: 48–49]. Важно, однако, подчеркнуть тягу к латинскому шрифту со стороны человека, получившего образование и ставшего академиком за несколько лет до Октябрьской революции, но со временем все больше и больше становившегося сторонником идеологии интернационализма и линии коммунистической партии.

3. Третья встреча.

С тридцатых годов процесс латинизации начинает ослабевать; он также подвергается критической оценке со стороны лингвистов и политических деятелей. Алфавиты на латинской основе постепенно исчезают под давлением русской кириллицы. Все аргументы, которые раньше приводились в пользу латиницы по сравнению не только с арабским, но и с русским шрифтом, переворачиваются с ног на голову. Выступая на XVII съезде коммунистической партии, Михаил Осипович Разумов явно выразил свое неудовольствие по поводу книжки И. Хансуварова (1932):

«Я не понимаю, почему в книжке Партиздата те, кто за сохранение уже существующего для якутского языка алфавита, общего с русским, являются националистами и шовинистами, а те, кто борется за сближение с алфавитом французов и итальянцев, являются интернационалистами» [Разумов 1934; см. также Ровинский 1934]¹.

Дни латинского алфавита в Советском Союзе были сочтены, скоро должно было прийти время сдать его в архив. Критические голоса становились все громче и громче, они приписывали русскому алфавиту все революционные, культурные и идеологические качества, которые раньше считались присущими только латинскому шрифту. Все северокавказские латинские алфавиты были заменены другими, созданными на кириллической основе. Не будем здесь заниматься вопросом о роли в этом процессе сталинских репрессий, об уничтожении национальных кадров, обвинявшихся в буржуазном национализме, и о мнимых или реальных ассимиляторских стремлениях советской власти, которые иногда связываются с введением обязательного преподавания русского языка в школах в 1938 г. (против такой интерпретации см. [Frings 2012]). Во всяком случае, факт остается фактом: конец латинизации многими воспринимался и сегодня еще воспринимается как очередная попытка русского правительства осуществить свое более или менее осознанное стремление к ассимиляции различных народов; противодействием этому объясняется новая волна латинизации во многих бывших советских республиках.

---

¹ Стенографический отчет см. URL: http://www.hrono.ru/dokum/1934vkpb17/9_1.php. Дата доступа: 16.09.2014. О критике брошюры Хансуварова см. также [Орлицкий 1934].

Итоги (четвертая встреча?).

Показательна в этом отношении противоположная тенденция в области графики, которая наблюдается в некоторых странах постсоветского геополитического пространства, а также последствия, вызванные ею. Замена кириллицы латинским алфавитом в Молдавии, например, интерпретируется как «агрессия Запада против неовизантийского пространства, которая на западных окраинах славянства и, более узко, Российской империи, тактически выигрывается Западом» [Джемаль 2011: 37–38].

Северный Кавказ, который входит в состав Российской Федерации, пока не принимал участие в этом процессе, хотя и здесь вопрос об орфографии остается дискуссионным [см. Hewitt 1995]. Наряду с этим заслуживает внимания потеря самого главного достоинства кавказской кириллицы, подражающей грузинской системе (см. выше). Поскольку возврат к кириллице в подавляющем большинстве случаев состоял в транслитерации уже существующих латинских алфавитов [Ašin, Alpatov 1995: 154], обнаруживающих, в русле традиций латиницы, достаточно большое количество сложных букв, в теперешних кавказских алфавитах наблюдается заметная отрицательная особенность – употребление двойных или тройных букв для обозначения одной фонемы. Следовательно, главный аргумент, оправдывавший предпочтение кириллицы перед латиницей, т. е. количественно равновесное соотношение на уровне графической репрезентации звуков, полностью утрачен.

Подводя итоги изложенного, можно сказать, что вопрос об алфавитах для северокавказских языков, как и для языков других народов Российской Федерации, невозможно решить нейтрально и с чисто практико-лингвистической точки зрения, без учета различных влияний идеологического, религиозного или политического порядка.

Список литературы

1. Алборов, Б. А. История осетинских письмен / Б. А. Алборов. Владикавказ, 1929.
2. Алиев, У. Национальный вопрос и национальная культура в Северо-Кавказском крае (итоги и перспективы): К предстоящему съезду горских народов / У. Алиев; вместо предисловия речь А. Микояна. Ростов-на-Дону, 1926.
3. Алиев, У. Латинизация горских письмен (К истории просвещения горских народов) / У. Алиев // Северо-Кавказский краевой горский научно-исследовательский институт. Записки. 1929. С. 215–229.
4. Алпатов, В. М. 150 языков и политика 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. М., 2000.
5. Бгажба, Х. С. Из истории письменности в Абхазии / Х. С. Бгажба. Тбилиси, 1967.
6. Бекоева, Т. А. Просветительско-педагогические идеи П. К. Услара / Т. А. Бекоева. Владикавказ, 2000.
7. Боровков, К. Новое учение о языке и проблема изучения национальных языков / К. Боровков // Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н. Я. Марру: сб. ст. М., 1936. С. 101–109.
8. Габуниа, З. М. Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания (на материале западнокавказских языков) / З. М. Габуниа. Владикавказ, 2011.

9. Гарипова, З. Г. Из истории смены алфавитов в России / З. Г. Гарипова // Кириллица от возникновения до наших дней. СПб., 2011. С. 508–515.
10. Дешериев, Ю. Д. Введение / Ю. Д. Дешериев // Младописьменные языки народов СССР / отв. ред. Е. А. Бокарев, Ю. Д. Дешериев. М.; Л., 1959. С. 5–36.
11. Джемаль, Г. Дж. Кириллица как жертва и орудие культурного империализма / Г. Джемаль // Кириллица от возникновения до наших дней. СПб., 2011. С. 37–43.
12. Дирр, А. М. Кавказское языковедение, его история и будущие задачи / А. М. Дирр // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1904. 17. С. 368–380.
13. Жирков, Л. И. Ко всем ли языкам применим латинский алфавит? Опыт слоговых алфавитов Сев. Америки / Л. И. Жирков // Культура и письменность Востока. 1931. 7–8. С. 38–57.
14. Журавлев, В. К., Журавлев, И. В. Жизнь и учение Е. Д. Поливанова / В. К. Журавлев, И. В. Журавлев // Е. Д. Поливанов. Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. М., 2004. С. 96–110.
15. Загурский, Л. П. Кавказско-горские письмена / Л. П. Загурский // Сборник сведений о кавказских горцах. 1871. 5 (Исследования и материалы). С. 1–68.
16. Исаев, М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР (Вопросы языковой политики и языкового строительства) / М. И. Исаев. М., 1982.
17. Коркина Е. И., Дмитриев, С. К. Первый якутский лингвист / Е. И. Коркина, С. К. Дмитриев // С. А. Новгородов. Первые шаги якутской письменности: статьи и письма. М., 1977. С. 5–17.
18. Коркина, Е. И., Макаров, Г. Г. Семен Андреевич Новгородов / Е. И. Коркина, Г. Г. Макаров // С. А. Новгородов. Во имя просвещения родного народа: сочинения, переписка, материалы. Якутск, 1991. С. 5–16.
19. Магометова, В. Д. Роль передовой русской интеллигенции в просвещении и развитии культуры среди горцев Северного Кавказа во второй половине XIX века / В. Д. Магометова // История, этнография и культура народов Северного Кавказа: межвуз. сб. ст. Орджоникидзе, 1981. С. 57–75.
20. Марр, Н. Я. Сборник притч Вардана: материалы для истории средневековой армянской литературы. Ч. I: Исследование / Н. Я. Марр. СПб., 1899.
21. Миханкова, В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерки его жизни и научной деятельности / В. А. Миханкова. Изд. 3-е, испр. и доп. М.-Л., 1949.
22. Орлицкий, Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности / Д. Орлицкий // Большевик. 1934. № 6 (31 марта). С. 81–96.
23. Поливанов, Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов / Е. Д. Поливанов. Л., 1928. [Издание второе, стереотипное. М., 2002.]
24. Поливанов, Е. Д. За марксистское языкознание: сб. популярных лингвистических статей / Е. Д. Поливанов. М., 1931.
25. Поливанов, Е. Д. Основные формы графической революции в турецких письменностях СССР / Е. Д. Поливанов // Новый Восток. 1928. 23-24. С. 314–330. [Перепечатано в: Поливанов 1931: 95–116.]
26. Поливанов, Е. Д. Проблема латинского шрифта в турецких письменностях / Е. Д. Поливанов. М., 1923.
27. Поливанов, Е. Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов (1935–1937): архивная публикация / Е. Д. Поливанов // Е. Д. Поливанов. Труды по восточному и общему языкознанию / сост., послесл., коммент. и указ. Л. Р. Концевича. М., 1991. С. 317–506.
28. Разлогов, К. Э. Кириллица вчера и сегодня / К. Э. Разлогов // Кириллица от возникновения до наших дней. СПб., 2011. С. 7–8.

29. Разумов, М. О. Парторганизация Восточной Сибири исправляет ошибки: «В чем преимущества латинского алфавита перед русским, на котором созданы огромные культурные ценности страны Советов?» / М. О. Разумов // Правда. 1934. 3 февраля.
30. Ровинский, Л. Об одной национал-демократической концепции / Л. Ровинский // Правда. 1934. 17 февраля.
31. Трубецкой, Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Н. С. Трубецкой. История – культура – язык / сост., подгот. текста и коммент. В. М. Живова. М., 1995. С. 162–210.
32. Услар, П. К. О распространении грамотности между горцами / П. К. Услар // Сборник сведений о кавказских горцах. 3. 1870. 4 (Горская летопись). С. 1–30.
33. Услар, П. К. О составлении азбук кавказских языков / П. К. Услар // П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание: Абхазский язык. С приложением статей: 1) О распространении грамотности между горцами, 2) Предположение об устройстве горских школ, 3) О составлении азбук кавказских языков, 4) Заметки о черкесском языке, 5) О языке убыхов, 6) Грамматический очерк сванетского языка, отдел второй. Тифлис, 1887. С. 45–60. [Первоначально опубликовано в Записках Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества за 1862.]
34. Хансуваров, И. Латинизация – орудие ленинской национальной политики / И. Хансуваров. М., 1932.
35. Хашба, А. К. Академик Н. Я. Марр о языке и истории Абхазов / А. К. Хашба; под ред. И. И. Мещанинова. Сухуми, 1936. [Академия наук СССР. Грузинский филиал. Труды ин-та абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра. Вып. IV.]
36. Шегрен, А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским / А. М. Шегрен. СПб., 1844.
37. Якобсон, Р. О. К характеристике евразийского языкового союза / Р. О. Якобсон // R. Jakobson. Selected writings. 2nd, expanded ed. Vol. 1: Phonological studies. The Hague; Paris. P. 144–201 [Написано в Праге летом 1930 г. и напечатано в Париже в 1931 г.].
38. Яковлев, Н. Ф. Аналитический или новый алфавит? / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока. 1931. 10. С. 43–60.
39. Яковлев, Н. Ф. За латинизацию русского алфавита / Н. Ф. Яковлев // Культура и письменность Востока. 1930. 6. С. 27–43.
40. Яковлев, Н. Ф. Итоги латинизации алфавита на Северном Кавказе и Дагестане / Н. Ф. Яковлев // Алфавит октября. Итоги введения нового алфавита среди народов РСФСР: сб. ст. / ред. Н. Н. Нурмаков. М.; Л., 1934. С. 103–118.
41. Alpatov, V. M. Un projet peu connu de la latinisation de l'alphabet russe / V. M. Alpatov // Alphabets slaves et interculturalité / eds J. Breuillard, R. Comtet. Toulouse, 2001. P. 13–28. [«Slavica Occitania». 12.]
42. Ašin, F. D., Alpatov, V. M. Nikolaj Feofanovič Jakovlev (1892–1974) / F. D. Ašin, V. M. Alpatov // Histoire, épistémologie, langage. 1995. 17. II. P. 147–161.
43. Bruche-Schulz, G. Russische Sprachwissenschaft. Wissenschaft im historisch-politischen Prozeß des vorsowjetischen und sowjetischen Rußland / G. Bruche-Schulz. Tübingen, 1984.
44. Coulmas, F. Writing and society. An introduction / F. Coulmas. Cambridge, 2013.
45. Frings, A. Cyrillization = Russification? Pitfalls in the interpretation of Soviet alphabet policy / A. Frings // Kampf um Wort und Schrift. Russifizierung in Osteuropa im 19.-20. Jahrhundert / ed. Z. Gasimov. Göttingen, 2012. P. 123–140.
46. Hewitt, Br. G. A suggestion for romanizing the Abkhaz alphabet (based on Monika Höhlig's Adige alfabet / Br. G. Hewitt // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1995. 58. 2. P. 334–340.
47. Martin, T. The Russification of the RSFSR / T. Martin // Cahier du Monde russe. 1998. 39. 1-2 (janvier-juin). P. 99–117.

48. Sériot, P. L'alphabet analytique abkhaze de N. Marr: une pasigraphie génétique? / P. Sériot // Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage de l'Université de Lausanne. 2012. 35. P. 9–28.
49. Simonato, E. Marr et Jakovlev: deux projets d'alphabet abkhaz / E. Simonato // Un paradigme perdu: la linguistique marriste / ed. P. Sériot. Lausanne, 2005a. P. 255–269. [= Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage. 20.]
50. Simonato, E. Alfabeto russo: un progetto fallito di latinizzazione / E. Simonato // eSamizdat. 2005b. 3. 1. P. 91–96.
51. Tomelleri, V. S. Die kyrillische Schrift als Symbol kultureller Zugehörigkeit und Orientierung / V. S. Tomelleri // Slavic alphabets in contact / eds V. S. Tomelleri, S. Kempgen. Bamberg, 2015. P. 221–262.
52. Vendryes, J. Le langage. Introduction linguistique à l'histoire / J. Vendryes. Paris, 1921.
53. von Erckert, R. Allgemeine Charakteristik und Begründung der Classification der Sprachen des kaukasischen Stammes / R. von Erckert // R. von Erckert. Die Sprachen des kaukasischen Stammes. I. Theil: Wörterverzeichniss. II: Theil: Sprachproben und grammatische Skizzen. Wiesbaden, 1970. P. 365–390. [Репринтное воспроизведение издания 1895 года.]